

Оглавление

I. Введение.	4
I. 1. Историографический обзор.	5
I. 2. Краткая характеристика источников.	15
II. Биография Мессершмидта.	18
III. История Приенисейского края первой четверти XVIII века по материалам научной экспедиции Мессершмидта и Страленберга.	23
III. 1. Маршрут экспедиции в Приенисейском крае.	23
III. 2. Описание русских населенных пунктов и поселений коренных народов.	26
III. 3. Жизнь русского населения.	30
III. 4. Коренные жители северных и южных районов края.	41
IV. Заключение.	46
V. Список использованной литературы и источников.	47
Список сокращений	47
Источники	47
Литература	47
VI. Приложения.	50
Указ Петра I, о посылке Мессершмидта в Сибирь.	51
Копия страниц дневника Мессершмидта.	52
Рисунок татуировки тунгусов.	53
Рисунок “Уйбатского памятника, вырезанного руническими письменами”.	54
Хронология.	55

Маршрут экспедиции Мессершмидта 1721-1722 гг.	57
Маршрут экспедиции Мессершмидта 1723-1724 гг.	58
Маршрут экспедиции Мессершмидта 1725 г.	59
Перевод дневника Мессершмидта.	60

I. Введение.

Ровно 295 лет назад на территории нашего края начала свою работу экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта, талантливого ученого из Данцига. До мая 1722 года ему помогал, сопровождавший его пленный шведский капитан Иоган Филипп Табберт-Страленберг. Это была первая научная экспедиция в Сибирь. Организованная по инициативе Петра I, она положила начало научному освоению огромной территории Российской империи, расположенной за Уральскими горами. Впоследствии по маршруту, проложенному Мессершмидтом, вели свои изыскания академические экспедиции Миллера и Гмелина, Фишера и Фалька, Георги и Палласа. Мессершмидту же выпала честь быть первопроходцем в научном сибиреведении. Именно он, своими раскопками курганов, близ Абаканского острога, в январе 1722 года, положил начало сибирской археологии. Именно он, сделав научные описания растений и животных, подготовил фундамент сибирской флористики, орнитологии и ихтиологии. Именно он, описав залежи полезных ископаемых, заложил базу для сибирской минералогии, не утратившую своей актуальности до сегодняшнего дня. Но наиболее ценными являются его данные по лингвистике, этнографии и истории народов Сибири. В нашей работе, мы, основываясь на путевых дневниках Мессершмидта, рассмотрим историю русского населения и коренных обитателей Приенисейского края первой четверти XVIII века. В приложении мы даем русский перевод фрагментов путевого дневника Мессершмидта, рассказывающий о жизни наших земляков тех далеких лет, который еще не был опубликован. Надеемся, что эта работа поможет исследователям – сибироведам более полно воссоздать историю нашего края XVIII века, а яркие, колоритные рассказы очевидца событий минувших дней, будут интересны и ученикам школ нашего края.

I. 1. Историографический обзор.

О Мессершмидте, его экспедиции в Сибирь, о собранных им коллекциях и рукописных научных трудах, о его вкладе в науку начали писать, уже собственно, при его жизни, в XVIII веке. И первым, кто упомянул Мессершмидта, был его верный спутник и помощник по сибирской экспедиции И.Ф. Табберт фон Страленберг. В изданной им книге (“Северная и восточная части Европы и Азии...”. Стокгольм, 1730 год) Страленберг отмечает, что данную работу мог бы выполнить и сделать ее, несомненно, лучше “мой хороший друг, настоящий ученый” Мессершмидт. Но так как от него из России нет никаких известий и опубликованных работ тоже нет, Страленберг решил сам поведать всей Европе то, что он видел или узнал в России и в большей степени в Сибири, не дожидаясь издания трудов Мессершмидта [41. С.62]. По прошествии почти трех веков, мы с горечью должны заметить, сколь верным было решение Страленберга. Рукописи Мессершмидта до сих пор хранятся в Архиве Академии наук, за не большим исключением, так и не изданные.

В 1739 году, уже после смерти Мессершмидта, академик Амман, основатель Ботанического Сада при Петербургской Академии наук издал книгу “Редкие растения...”, в которой описание 21 вида (из 285 встречаемых в книге) заимствовано из рукописи Мессершмидта. Амман с искренним уважением отзывается о ботанических коллекциях, собранных Мессершмидтом на берегах Енисея, в Забайкалье и Западной Манчжурии [37].

Первый, более или менее, подробный очерк о жизни и научной деятельности Мессершмидта появился в 1779 году, в книге библиотекаря Академии наук И. Бакмейстера “Опыт о библиотеке и кабинете редкостей...”. В этом очерке Бакмейстер допустил ряд фактических неточностей хронологического плана, в частности,

неверно указал годы поступления на русскую службу, путешествие в Сибирь и т.д. Но несомненным достоинством очерка можно считать то, что Бакмейстер первым показал многогранность научных интересов Мессершмидта, и помимо естественнонаучных открытий, вклад его в изучение языка, быта и нравов народов, населяющих Сибирь. Он же первым отметил скромность характера Мессершмидта и нежелание и неумение его требовать должного по заслугам. Бакмейстер лично знал дочь Мессершмидта, которая жила в Петербурге вполне благополучно [11. С.117-118].

Завершающей в веке XVIII была работа П.С. Палласа “Сообщение о семилетнем путешествии в Сибирь Д.Г. Мессершмидта”, опубликованная им в Петербурге в 1782 году. Помимо биографического очерка Паллас впервые дает подробное описание сибирской экспедиции. Причем весьма интересен его комментарий маршрута, ведь свое путешествие по Сибири, спустя полвека, Паллас совершил по следам Мессершмидта. Поэтому восторженная оценка, которой он, характеризует итоги экспедиции Мессершмидта, в целом – как бы символизирует отношение к научным трудам Мессершмидта его современников и ближайших последователей. Паллас опубликовал также и небольшой фрагмент путевого журнала Мессершмидта, высказав убеждение, что издание хотя бы основной части работ этого выдающегося ученого, обогатит европейскую науку во многих направлениях.

В XIX веке появляется достаточно много работ, посвященных экспедиции Мессершмидта как общего, так и узкоспециального характера. Наиболее достоверные и интересные работы общего характера это очерки В.М. Рихтера и П. Пекарского. И если Рихтер основной упор делает на жизнеописание Мессершмидта, его врачебную практику в России, в том числе и во время сибирского путешествия, особенности его характера (честность и порядочность) [40. С.148-153], то Пекарский дает довольно таки подробную

картину сибирского путешествия и последних лет жизни в Петербурге. Кроме того, Пекарский оценивая вклад Мессершмидта в российскую и европейскую науку, справедливо замечает, что вклад этот трудно переоценить, т.к. плодами трудов его (хоть и не изданных, а известных только в рукописях) пользовались впоследствии все участники сибирских научных экспедиций, организованных Академией наук [31. С.350-362]. К наиболее значимым узкоспециальным работам (посвященным отдельным отраслям науки) можно отнести труды И. Бородина и Д.И. Литвинова по ботанике и В. Радлова по археологии. И. Бородин в своей книге “Коллекторы и коллекции по флоре Сибири” дает точное и подробное описание научным ботаническим открытиям Мессершмидта в Сибири, его коллекциям, хранящимся в академической кунсткамере. Особенную же ценность, по его словам, представляют еще неизданные рукописи по сибирской флоре [13. С.78-79]. В связи с этим интерес представляет очерк Д.И. Литвинова в книге “Библиография флоры Сибири”. В этом очерке Литвинов подробно реферировал работы Мессершмидта по всем естественнонаучным отраслям (орнитология, ихтиология, ботаника и минералогия) и так же убежденно, как и Паллас, говорит о необходимости издания трудов Мессершмидта, которые, несомненно, обогатят не только российскую, но и мировую науку [26. С.177-181]. И завершая обзор работ дореволюционных авторов, отметим очерк В. Радлова в “Сибирских древностях”. В первом выпуске этого монументального сборника по археологии Сибири, Радлов не без основания отмечает, что первым, кто начал именно научные раскопки древних курганов в Сибири с подробным описанием и зарисовками работ и найденных предметов, был Д.Г. Мессершмидт, который в 1722 году сам раскопал один из курганов на Енисее, близ Абаканского острога, но и, кроме того, собрал очень хорошую археологическую коллекцию, отчасти из купленных, отчасти из подаренных ему предметов, найденных в

курганах бугровщиками (людьми, самостоятельно раскапывающими древние захоронения в Сибири, с целью наживы). По словам Радлова, особая заслуга Мессершмидта состоит еще и в том, что он не только собирал, и бережно сохранил эти предметы для науки, но и по возможности делал описание – где, как и при каких обстоятельствах, они были найдены. В приложении Радлов опубликовал небольшой фрагмент из путевого журнала Мессершмидта, с описанием археологических раскопок на Енисее [32. С.5-19].

Таким образом, наш историографический обзор дореволюционной литературы показал, что специальных работ по истории Приенисейского края, в связи с деятельностью экспедиции Мессершмидта, собственно говоря, нет, за исключением небольшого очерка В. Радлова, связанного с археологическими раскопками Мессершмидта на юге края.

После революции, в XX веке, были изданы работы с разных сторон рассматривающие деятельность Мессершмидта по изучению Сибири. Выделим основные направления:

1 – археографические работы, в которых описывается рукописное наследие Мессершмидта и степень его сохранности. Наиболее полным следует признать очерк Г.А. Князева в первом выпуске “Трудов Архива АН”, изданного в 1933 году [23. С.164-165], где перечисляются все рукописные книги Мессершмидта, хранящиеся в архивах АН с кратким содержанием оных. В продолжение этой работы можно назвать очерк В.Ф. Гнучевой в четвертом выпуске названных выше трудов, изданном в 1940 году [19. С.25-30]. Помимо перечисленных Князевым рукописных книг, Гнучева указывает на ряд других источников (писем, официальных донесений и отчетов и т.д.) и, кроме всего прочего, указывает номера фондов и дел этих рукописей. Отметим, также, статью Г. Яроша “Комментарий к тексту” в первом томе, изданного в 1962 году

Берлинской Академией Наук “Путевого журнала” Мессершмидта [38. С.21-23]. В ней Ярош подробно разбирает стилистические особенности записей Мессершмидта, характерные для XVIII века, а также транскрипционные передачи географических названий Сибири.

2 – работы общего характера, в которых рассматривается деятельность Мессершмидта в совокупности всех его научных исследований. И здесь особняком, вне сомнения, стоит монография М.Г. Новлянской “Д.Г. Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири”, изданная в 1970 году. В этой монографии, написанной на основе источников, хранившихся в архивах АН СССР и Берлинской АН, Новлянская дает великолепный биографический очерк, уточняя датировку ряда событий и, исправляя те хронологические ошибки, которые как шлейф от кометы, тянулись с указанной нами работы Бакмейстера XVIII века. Подробно описывается ход сибирской экспедиции и дается развернутая характеристика научных исследований. Для нас, единственным минусом этой работы является то, что Новлянская лишь кратко рассмотрела енисейский этап сибирской экспедиции [30. С31-38], главный упор, сделав на его пребывание в Тобольске, Томске, а особенно в Восточной Сибири (Иркутск, Забайкалье, Даурия и т.д.). В ставшей хрестоматийной монографии Э.П. Зиннера “Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века”, Мессершмидту уделено не много места [22. С.141-143; С.181-182]. Но, к чести автора надо отнести то, что он не боится вступить в полемику с В.Г. Мирзоевым, написавшим “Историографию Сибири”, в которой заклеил Мессершмидта следующим: “...он воинствующий шовинист, презирающий русский народ, жестокий крепостник и, наконец, мистик...” [27. С.21]. Отрадно, что заступничество Зиннера не пропало в туне и в 1970 году, переиздавая свою “Историографию” Мирзоев снял страшные обвинения в адрес Мессершмидта,

охарактеризовав его в целом, как весьма серьезного ученого [28. С.48-49].

Впоследствии и сам Зиннер, в своей новой монографии “Путешествие длиною в три столетия”, вновь возвращается к экспедиции Мессершмидта и более полно рассказывает о ней. Впрочем, не добавив ничего нового к тому, что уже было написано авторами 19 и 20 столетия [21. С.28-30].

И, конечно же, нельзя не упомянуть работы немецких историков, и в первую очередь Э. Винтера. В своем Введении к первому тому дневников Мессершмидта, Винтер дает историческое обоснование тому, что такая экспедиция могла быть возможной только в XVIII веке, с его зародившимися и развивающимися капиталистическими отношениями, в том числе и в России. Также, Винтер подчеркивает особую роль учения пиетизма, сказавшуюся на всех научных изысканиях европейцев в России, а особенно на Мессершмидте, верным продолжателем идей А. Франке. И, что особо важно, Винтер вполне справедливо отмечает, что работы Мессершмидта остаются до сегодняшнего дня практически единственным достоверным источником по многим вопросам истории некоторых народов Сибири [43. С.1-20]. Отметим и его выступление на XIII международном конгрессе по истории науки СССР в Москве, в 1971 году, в котором Винтер показал выдающуюся роль Мессершмидта в научном освоении Сибирского края. В этом же выступлении Винтер подверг резкой критике Г.Ф. Миллера, автора классической “Истории Сибири”, обвиняя его в плагиате трудов Мессершмидта, а так же в той негативной роли, которую Миллер сыграл в развернувшейся травле, вернувшегося из Сибири ученого. Кроме того, Винтер обвинил Миллера и в том, что труды Мессершмидта не были своевременно изданы, а на долгие десятилетия были задвинуты в самые недра архива АН [42. С.6-14]. Из других работ выделим совместную статью Э. Винтера с немецкими коллегами Г. Ушманом и

Г. Ярошом “Д.Г. Мессершмидт как исследователь Сибири”, в которой наряду с прочими научными заслугами Мессершмидта, отмечаются его этнографические и лингвистические изыскания, касающиеся коренных народов Сибири [18. С.50-53].

3 – работы по конкретным отраслям научного наследия Мессершмидта. В 1950 году в своей книге “Очерки по истории геологоразведочных знаний в России” А.В. Хабаков связывает начало научного геолого-минералогического исследования Сибири с именем Мессершмидта, отмечая его описания геологических особенностей, посещенных мест и указания на находки полезных ископаемых, не потерявшие своего значения и в XX веке [35. С.75-76]. Вклад Мессершмидта в географическую науку отметил В.И. Греков в книге “Очерки из истории русских географических исследований в 1725-1765 гг.” изданной в 1960 году. Греков подчеркивает, что помимо описания мест, которые проезжал Мессершмидт он еще и первым определил географическую широту и долготу более 300 населенных пунктов Сибири, тем самым, способствуя созданию Сибирской картографии на математической основе [20. С. 16-17].

Как об одном из основных источников по изучению развития промыслов и промышленности Сибири первой трети XVIII века пишет о дневниках Мессершмидта З.В. Башкатова в своей статье, опубликованной в сборнике “Источниковедение и историография городов Сибири” в 1987 году. И в частности Башкатова, наряду с уже описанными и до Мессершмидта промыслами, указывает на описанный впервые именно им, процесс производства каменного масла, достаточно загадочный даже в наше время [12. С.105-119].

4 – и наиболее актуальные для нашей темы работы, связанные с изучением истории Приенисейского края по материалам экспедиции Мессершмидта и Страленберга.

Начнем с работ видного хакасского ученого, профессора МГУ Леонида Романовича Кызласова. В 1962 году в сборнике МГУ он

опубликовал статью “Начало сибирской археологии” [24. С.43-52]. Используя, известные специалистам еще с XIX века факты (благодаря вышеназванным работам В. Радлова) Кызласов акцентирует внимание на то, что раскопки, произведенные Мессершмидтом в начале января 1722 года, возле Абаканского острога – являются первыми археологическими работами в Сибири. Учитывая, что Мессершмидт выполнил эскизы раскапываемого кургана, самой могилы и найденных в ней вещей, а также сделал подробное описание хода работ, Кызласов с полным основанием утверждает, что “раскопки велись, на вполне научном уровне, с географической фиксацией погребального сооружения...”. Таким образом, Мессершмидт является зачинателем сибирской археологии. Летом 1959 года Кызласов специально исследовал этот район и пришел к выводу, что раскопанные Мессершмидтом курганы “находились на левом берегу Енисея близ современной деревни Абакано – Перевозной...”. К сожалению после заполнения Красноярского водохранилища место это ныне находится в зоне затопления. Статья Кызласова вполне достоверна за исключением небольшой ошибки в датировке. Вслед за Радловым он называет дни раскопок 1-6 января, но как видно из дневника Мессершмидта, на самом деле раскопки велись только 4-6 января 1722 года. Другая тема, разработанная Кызласовым на основе изучения материалов Мессершмидта – это енисейская письменность. Отметим, наиболее обобщающую статью “В Сибирю неведомую за письменами таинственными”, опубликованную в 1998 году. В ней Кызласов подробно описывает, при каких обстоятельствах (главные из которых радушие и любознательность местных жителей - хакасов) в августе 1721 и зимой 1722 годов Мессершмидт открывает для науки первые памятники средневековой письменности хакасов, которые к счастью хранятся и поныне (в Минусинском Краеведческом музее). Здесь же Кызласов на основе дневников Мессершмидта приводит интересные

бытовые зарисовки, характеризующие жизнь хакасов в начале XVIII века [25. С.11-46].

Из работ других историков отметим, прежде всего, очерк профессора кафедры отечественной истории нашего университета Г.Ф. Быкони в книге “История Приенисейского края XVII - первой половине XIX века”. В своем очерке Быконя в общих чертах дает представление о Мессершмидте, ходе сибирской экспедиции и более подробно останавливается на пребывании Мессершмидта в южных районах края и в городе Красноярске с 1721 по 1723 год. И перед нами открывается живописнейшая картина из жизни красноярцев первой четверти XVIII века. Здесь и подробное описание религиозных праздников, и народных гуляний, характеристика местного “высшего общества”, восхищение природной смекалкой, и самоотверженностью простых людей, изумление от наглого произвола властей, и грубой жестокости казаков. Быконя отмечает, что Мессершмидт описывая празднование дня рождения воеводы, упоминает о весьма прелюбопытном факте – о домашнем частном концерте, с исполнением песен, музыки, стихов. Это одно из первых свидетельств о концертах в Сибири. Подводя итог, Быконя пишет о горожанах XVIII века следующее: “Главную роль среди них играет казачество. Они прижимисты в будни и размахисты в праздники, особенно в гульбе. Религиозное чувство развито слабо. С практицизмом и житейской сметкой причудливо уживаются у них самые темные суеверия. Они горды, обладают развитым чувством собственного достоинства, непокорливы, не сдержаны в гневе, особенно в нетрезвом состоянии” [14. С.140-151]. В своей работе «Избранные труды» в томе 1 Г.Ф. Быконя описывает ту часть экспедиции Миссершмидта, которая касалась только Красноярска. Им же, в газете «Красноярский рабочий» были опубликованы несколько статей о экспедиции Миссершмидта и хозяйственно-бытовом укладе русских нравах и обычаях.

Другой красноярский историк И. Федоров в своей статье “Сведения Д.Г. Мессершмидта о быте и нраве красноярцев в первой четверти XVIII века” заостряет внимание как раз на самой отвратительной черте красноярцев того времени – пьянстве, приводя свидетельства тому, что и коренные жители безжалостно спаивались горожанами [33. С.149-152].

А вот в книге красноярского историка Л.П. Шорохова “Корпоротивно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII веках”, изданной в 1983 году говорится, что не только отрицательные черты русского воздействия на коренных жителей Сибири отмечал Мессершмидт. Так он весьма благоприятно отзывался о процессе христианизации татар, живущих в юго-западных районах нашего края (близ Ачинска и по реке Томь), который носил очень лояльные формы, без насилия и кровопролития, учитывая особенности местных религиозных обрядов [36. С.37].

Из работ местных краеведов выделим статьи М. Мурзаевой и Е. Владимирова, опубликованные к 250-летию пребывания Мессершмидта в нашем крае. Хотя обе носят компилятивный характер, тем не менее, представляют определенный интерес, так как уточняют ряд деталей сибирской экспедиции, основываясь на конкретных реалиях своего района [19; 29].

Таким образом, заканчивая историографический обзор, мы констатируем факт, что за те 295 лет, прошедших с момента пребывания Мессершмидта и Страленберга на территории нашего края, так и не появилось специального обобщающего труда по истории Приенисейской земли в первой четверти XVIII века на основе данных этой уникальной научной экспедиции. Перечисленные выше работы Кызласова Л.Р., Быкони Г.Ф., Шорохова Л.П., Федорова И.Г., лишь фрагментарно знакомят нас с некоторыми моментами в жизни русского и коренного населения

южных районов и города Красноярска. Остается надеяться, что если не в 2017 году (год 295-летия экспедиции в Приенисейском крае), так хотя бы к 300-летию такой труд все же будет подготовлен и издан.

I. 2. Краткая характеристика источников.

По возвращению из Сибири в Петербург, Мессершмидт передал свои рукописи и коллекции в Академию Наук. Большая часть этих материалов хранятся и по ныне в архиве Академии Наук в Петербурге (ПФА РАН) и в кратких чертах содержат следующее:

1 – дневники: 12 объемистых переплетенных тетрадей, заключающих около 3000 страниц, озаглавленных: “Journal der Reise von Tobolsk, der Haupt- Stadt Sibiriens uber Tara, Tomskoi und so weiter im Sibirien Reiche”. (Ф. 98, оп. 1, № 1 - 5).

2 – рукописные копии этих дневников, выполненные в начале XX века (Р. IV, оп. 1, № 61 - 73).

3 – многочисленные описания орнитологических, ихтиологических, зоологических, ботанических и медицинских наблюдений, определений астрономических пунктов и т.д. (Ф.98, оп.1, № 6-20, 22-25).

4 – целый ряд рукописных или печатных, но имеющих пометки Мессершмидта карт (Ф.98, оп.1, № 26-44).

5 – письма Мессершмидта в Академию Наук (Ф.1, оп.3, № 7).

6 – переписка Академии Наук относительно передачи, принятия и оплаты коллекций Мессершмидта (Ф.3, оп.1, № 3, 61, 813).

7 – биография, составленная в 1831 году Миллером (Ф.21, оп.1, № 105).

Основным источником нашей работы, является дневник Сибирского путешествия “Journal der Reise von Tobolsk, der Haupt- Stadt Sibiriens uber Tara, Tomskoi und so weiter im Sibirien Reiche”.

Как уже было отмечено выше, дневник представляет собой 12 тетрадей, в кожаном переплете. Размер страницы в 4⁰ (1/4 листа), всего этих страниц 2992. Текст написан на немецком языке (см. приложение 1). С 1 марта 1721 года по 12 мая 1722 года, записи вел Страленберг, а с 12 мая и до окончания экспедиции в марте 1727 года в Петербурге сам Мессершмидт. В тексте встречаются описания, в основном ботанические, написанные на латинском языке. По полям страниц много вставок, уточнений и дополнений, сделанных Мессершмидтом уже по приезду в Петербург. Полный текст этих дневников был издан в Берлине, на немецком языке во второй половине XX века.

А впервые фрагменты этого дневника, были опубликованы П.С. Палласом в 1782 году в “*Neu Nordische Beytrage*” [39. С.105-157], на немецком языке. Паллас включил сюда описание путешествия Мессершмидта в Иркутск, Забайкалье и Западную Манчжурию в 1723-1725 годах.

Спустя 100 лет в 1888 году В. Радлов в приложении к первому выпуску “Сибирских древностей” приводит русский перевод той части дневника, где описываются археологические раскопки кургана вблизи Абаканского острога в январе 1722 года [32. С.9-19].

И, наконец, в 1962 году совместными усилиями Академии наук СССР и Академией Наук ГДР в Берлине был издан первый том дневника Мессершмидта, в 1964 – второй, в 1966 – третий, в 1968 – четвертый и в 1977 – пятый том. Согласно делению Мессершмидта, разбивка по томам была сделана по хронологическому принципу: 1 том – 1721-1722 гг., 2 том – 1723 год, 3 том – 1724, 4 том – 1725, 5 том – 1726-1727 гг. для издания текста были использованы фотокопии подлинника дневника, а в трудно читаемых местах оригинала (испорченность от воды или плохо читаемые буквы на изгибе тетрадей) дополнительно привлекалась и рукописная копия дневника, выполненная в начале XX века. В приложении к каждому

тому опубликованы рисунки Мессершмидта и карты-схемы его маршрутов. Сведения по истории Приенисейского края содержатся в первом, втором, четвертом и пятом томе настоящего издания.

Помимо вышеозначенного перевода на русский язык фрагментов дневника, опубликованного В. Радловым в конце XIX века, в конце века XX был издан еще один перевод в книге Г.Ф. Быкони “История Красноярска. Документы и материалы. XVII-первая половина XIX вв.” в 2000 году [15. С.170-188].

Перевод выполнен по тексту 1 и 2 тома, вышеуказанного академического издания, Г.Ф. Быконеи и Л.Б. Гардером. Из первого тома приводятся отрывки записей с февраля по апрель 1722 года, то есть периода, когда экспедиция зимовала в городе Красноярске. Из второго тома фрагмент дневника с января по май 1723 года, то есть периода второй зимовки в Красноярске.

Таким образом, большая часть содержания дневника Мессершмидта по-прежнему не переведена на русский язык. В своей работе мы используем текст дневника по 1, 2 и 4 томам академического издания. Перевод с немецкого осуществлен красноярскими историками Г.Ф. Быконеи и И.Г. Федоровым.

II. Биография Мессершмидта.

Даниил Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt) родился (6)16 сентября 1685 года, в городе Данциге (Гданьске). Отец его, родом из Померании, по словам Мессершмидта, "...состоял на службе польского короля Иоганна – Казимира сначала торговым посредником или комиссионером, а затем главным корабельным инспектором в Данциге" [8. Л.1.].

В семье было четверо детей – дочь и трое сыновей, среди которых Даниил Готлиб был самым младшим. В 1692 году, семи лет от роду, он лишился матери. Но уже за год до этого Даниил был определен в начальную школу, где обучался в течение четырех лет, изучая с особым усердием латинский язык.

В 1706 году Мессершмидт поступил на медицинский факультет Иенского Университета, но в 1708 году переходит в Университет города Галле. В 1713 году, в 28 лет, что по тем временам было достаточно много для студента, Мессершмидт закончил Университет, защитив диссертацию на тему "De ratione preside universae medicinae" ("О разуме, как главенствующем начале всей медицинской науки") и получил ученую степень доктора медицины [40. С.148].

После этого, Мессершмидт вернулся в свой родной город, где начал заниматься врачебной практикой. В эти годы он очень сблизился и даже подружился с профессором Иоганном Филиппом Брейном (I. Breynius), основателем, получившего широкую европейскую известность, Музея Естественнoисторических коллекций в Данциге. Мессершмидт, будучи ученым в полном смысле этого слова, всего себя отдавал науке, активно помогая И.Ф. Брейну в научном описании и сборе материала для музея, если же что-либо мешало заниматься ученой работой, то Мессершмидт, по словам А.С. Палласа, писал латинские стихи, из которых некоторые подписывал Vulcanius Apolinaris [39. С. 95-101].

В 1716 году Данциг оказался в центре военных действий, которые вел Петр I в войне со шведами. После капитуляции Данцига, Петр осмотрел Музей Брейна и был восхищен. Он просил Брейна рекомендовать такого ученого, который взялся бы предпринять путешествие по России для составления описания всего достопримечательного. Брейн рекомендовал Мессершмидта, который при личной встрече понравился царю [40. С. 152].

Дальнейшие переговоры о приглашении Мессершмидта в Россию царь поручил вести своему лейб-медику Роберту Карловичу Арескину (R. Erskin). Мессершмидт без колебаний, согласился предпринять по России научное путешествие, но лишь в сентябре 1717 года, при вторичном посещении Данцига, Арескин выдал Мессершмидту за своей подписью и печатью удостоверение, которым подтверждалось, что указом царя предписано пригласить на службу доктора Мессершмидта для выполнения работ по исследованию природных богатств Российского государства. Здесь же было указано, что оклад ему установлен в размере 500 рублей в год, начиная с первого января 1718 года [6. Л.94]. Кроме того, в беседе с Мессершмидтом Арескин сказал, что намерен "...предоставить ему права и законные преимущества заведующего музеем в Санкт-Петербурге с соответствующим увеличением оклада" [30. С. 9].

Но по приезду в Петербург, в апреле 1718 года, Мессершмидт застал Арескина, своего единственного покровителя, тяжело больным. Функции Арескина практически исполнял Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост, вместе со своим старшим братом Иоганном Деодатом, активно пытавшийся прибрать к своим рукам все возможные должности. Поэтому место директора Кунсткамеры для Мессершмидта было закрыто. 15 ноября 1718 года появился указ Петра I о посылке доктора Мессершмидта в Сибирь "Для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и

семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы” [7. Л.1].

Этот указ ставил Мессершмидта в непосредственное подчинение Медицинской канцелярии, возглавляемой И.Д. Блюментростом, куда он должен был присылать все собранные материалы и за счет которой должна была производиться в Сибири выплата ему жалования и прогонных денег.

1 марта 1719 года Мессершмидт, погрузив свои вещи и книги на шесть подвод, в сопровождении двух слуг выехал из Петербурга, и 21 марта прибыл в Москву. Но лишь 5 сентября 1719 года ему вместе со спутниками посла Л.В. Измайлова, торговым агентом Лоренцем Лангом и доктором Граве, удалось выехать из Москвы. Следуя на стругах вниз по Москве-реке до Коломны, затем по Оке до Нижнего Новгорода и по Волге до Казани, а оттуда уже на санях через города Хлынов (ныне Вятка), Соликамск, Туринск и Тюмень, они 24 декабря приехали в Тобольск.

Здесь, в январе 1720 года, он получил письмо президента Медицинской канцелярии И.Д. Блюментроста, “...сверх устного указа Е.И.В. от 15 ноября 1718 года, увеличено задание добавлением еще двух царств природы – животного и минерального, но без повышения оклада”, – с горечью записал Мессершмидт комментарий этого письма [6. Л.100].

Из Тобольска Мессершмидт отправился в дальнейшее путешествие с помощниками – пленным шведским офицером – Ф.И. Таббертом - Страленбергом, его племянником Карлом Густавом Шульманом, который был художником, Даниилом Капеллем, исполняющим обязанности квартирмейстера, а так же в составе экспедиции были слуга-переводчик Петер Кратц, повар Андрей Геслер и 14-летний русский мальчик Иван Путинцев, купленный немецким ученым в Ялutorовской слободе за 12 рублей [10. С.23, 30.

С.40]. 30 марта 1721 года они прибыли в Томск, где их очень радушно встретил местный воевода Василий Елизарович Козлов.

5 июля Мессершмидт выехал в Кузнецк, а 12 сентября был уже в Абаканском остроге. Там в январе 1722 года скончался тяжело болевший Капелль. 24 февраля 1722 года экспедиция прибыла в Красноярск, где 23 апреля красноярский воевода Д.И. Шетнев зачитал Страленбергу царский указ об отправке всех шведских пленнх, проживающих в Сибири, в Тобольск (для препровождения домой, по условиям Ништадского мирного договора). Страленберг, однако, несмотря на желание поскорее вернуться на Родину, задержался в Красноярске на две недели, с тем, чтобы Мессершмидт, смог подготовить для отправки в Медицинскую Канцелярию, собранные коллекции и отчет о ходе экспедиции. 25 мая на берегу Большого Кемчуга они распрощались навеки, и дальнейшее свое путешествие по Сибири Мессершмидт совершил один. В 1723 году, путешественник побывал в Енисейске и Мангазее (Туруханское), далее он поднялся вверх по Нижней Тунгуске и в январе 1724 года остановился в Иркутске.

2 марта 1725 года, в Иркутске, Мессершмидт получил указ Медицинской канцелярии, от 31 августа 1724 года, по которому вызывался обратно из Сибири. [31. Л. 359]. В марте 1727 года он прибыл в Петербург. После того, как бумаги и экспонаты были им переданы в Академию наук, начались тяжбы о выдаче ему полного за эти годы жалованья, а так же он хлопотал о вознаграждении и паспорте, для выезда из России на Родину.

В 1728 году Мессершмидт женился на Бригите Елене Боклер, девице из скромной семьи немецкого аптекаря в Петербурге, твердо убежденный, что она являлась к нему во сне в бытность его в Соликамске. Женщина эта, живая и необузданного характера, была совершенным контрастом меланхоличному и преданному науке мужу;

по смерти Мессершмидта, она вышла замуж за адъюнкта академии Штеллера [9. С.8].

Только в 1729 году ученый смог выбраться из России; но несчастья преследовали его: он потерпел на возвратном пути в Данциг, кораблекрушение и потерял все свое имущество. В Данциге усилилось в Мессершмидте мрачное настроение духа, и он снова вернулся в Петербург, где и умер 25 марта 1735 года [31.С.362]. Честный и **несообщительный**, доктор считал унижительным для себя просить должного по заслугам и последнее время жил при пособии некоторых из друзей, а так же Феофана Прокоповича.

III. История Приенисейского края первой четверти XVIII века по материалам научной экспедиции Мессершмидта и Страленберга.

Один из самых продолжительных и плодотворных этапов работы экспедиции Мессершмидта приходится на Приенисейский край. Два года, с августа 1721 по август 1723 экспедиция исследовала достопримечательности земли Енисейской от самых южных пределов (бассейн р. Абакан и Саянский острог) до северных (Туруханск и Нижняя Тунгуска).

Возвращаясь из Иркутска в Петербург, Мессершмидт еще раз пересек наш край с востока на запад по Ангаре через Енисейск и по Кети. Описание всего увиденного здесь занимает треть всех сибирских записей Мессершмидта. Наибольший интерес для нас, историков, представляют те страницы путевого журнала, в которых рассказывается о жизни русского населения в городах, острогах и селах, о коренных жителей южных районов (татарах, аринцах, камасинцах) и севера (остяков–кетов, тунгусов-эвенков), о том, как выглядели их населенные пункты и поселения в первой четверти XVIII века. Все это бесценный исторический материал, позволяющий нам представить жизнь наших земляков того времени.

III. 1. Маршрут экспедиции в Приенисейском крае.

Знакомство с нашим краем Мессершмидт начал с южных районов. В августе 1721 года он пересек границу Кузнецкого и Красноярского уезда и по верховьям реки Томь, на небольших шорских челноках, доплыл до татарских юрт Балык-Су (ныне п. Балыкса). Далее, на 14 лошадях, экспедиция совершила переход через “Белые горы” – хребет Кузнецкого Алатау (по этой тропе ныне проходит железная дорога Новокузнецк – Абакан), и спустилась в

Уйбатскую степь, и вдоль реки Уйбат, до впадения ее в р. Абакан [25. С.32-33]. Оттуда на двух каюках вниз по Абакану и Енисею до Абаканского острога (ныне поселок Краснотуранск), куда и прибыли 12 сентября. Здесь Мессершмидт стал дожидаться Страленберга, оставшегося с некоторыми поручениями в Томске [30. С.30-31]. В Абаканск Страленберг прибыл лишь 22 декабря и другим путем: из Томска по р. Кия, далее по р. Серть (ныне Серта), затем до р. Урюп и через Божье Озеро (ныне оз. Большое) к селу Беллык на Енисее [1. С.149-161]. В Абаканском остроге экспедиция пробыла до 16 февраля 1722 года и затем на санях по Енисею отправилась в Красноярск.

24 февраля 1722 года экспедиция добралась до Красноярска. Здесь Мессершмидт и Страленберг перезимовали, а 13 мая выехали из Красноярска в западном направлении [1. С.216-220]. 28 мая на р. Большой Кемчуг Мессершмидт расстался со Страленбергом, который вместе с Карлом Шульманом возвращался на Родину (по условиям Ништадского мирного договора). Отныне и до самого конца экспедиции Мессершмидт работал один, с верным своим слугой и помощником Петером Кратцем.

Далее по р. Чулым на 12 лодках, Мессершмидт 20 июня 1722 года, доплыл до Ачинского острога, где остановился на четыре дня [1. С.235-246]. Отсюда Мессершмидт выехал на лошадях в южном направлении. Миновав, по причулымским степям, Белое и Божье озеро 19 июля Мессершмидт достиг р. Черный Июс. Потом его путь лежал к р. Абакан. И 23 августа, неподалеку от устья р. Арбат, Мессершмидт переправился через р. Абакан [1. С. 300-303].

Перевалив Абаканский хребет, Мессершмидт остановился в долине р. Джебаш (ныне р. Джабаш), а 3 сентября из-за резкого ухудшения погоды, вынужден был отправиться в обратный путь. 11 сентября он вышел к Енисею, напротив Саянского острога, переправился и после небольшого отдыха на струге и двух лодках

экспедиция вниз по Енисею поплыла к Абаканскому острогу, а 21 сентября – дальше к Красноярску [1. С. 303-315].

5 октября 1722 года Мессершмидт вновь прибыл в Красноярск, где остановился на вторую свою зимовку.

8 мая 1723 года он отплывает из Красноярска вниз по течению Енисея, на трех лодках, и 19 мая добирается до Енисейска [2. С.46-50]. Здесь он живет до июня и принимает решение спуститься вниз по Енисею до Туруханска (ныне п.Старотуруханск). 15 июня Мессершмидт по Енисею достиг устья Нижней Тунгуски, а 16 июня остановился в Туруханске, или в Мангазее (так он называл Туруханск) [2. С.70-72]. Отсюда после недельного приготовления Мессершмидт вверх по Нижней Тунгуске на дощанике и двух каюках отплывает 24 июня, с целью достичь Иркутска. Через месяц с небольшим, 28 июля 1723 года, Мессершмидт проплыл мимо устья р. Илимпеи и покинул пределы нашего края [2. С.77-78]. Дальнейший его путь лежал в пределах Иркутского уезда, а в Иркутск он прибыл только 19 декабря 1723 года.

В нашем крае Мессершмидт побывал еще раз в 1725 году, возвращаясь в Петербург.

23 июня 1725 года на дощанике, с 12 гребцами Мессершмидт отплыл из Иркутска вниз по Ангаре и 14 июля достиг Енисейска [4. С.132-160]. Здесь, в силу разных обстоятельств, он вынужден был задержаться на целый месяц, но его одиночество было скрашено обществом Витуса Беринга и членов его экспедиции (Первая Камчатская экспедиция), которые готовились к отъезду на восток [4. С.163-169].

Наконец, 15 августа 1725 года, Мессершмидт с багажом на двенадцати подводах выехал из Енисейска и 19 августа прибыл в Маковский острог (ныне с. Маковское) [4. С.196-197]. Отсюда на отремонтированном струге Беринга, 20 августа Мессершмидт отплыл вниз по р. Кеть, впадающую в Обь. Спустя неделю, 27 августа, он

доплыл до Лосиноостровского монастыря (ныне с. Лосиноборское) и остановился там на 11 дней [4. С.200-202].

8 сентября 1725 года, рано утром, Мессершмидт отплыл из Лосиноостровского монастыря и после обеда пересек границу Енисейского и Томского уездов, навсегда покинув наш край.

III. 2. Описание русских населенных пунктов и поселений коренных народов.

В своих путевых заметках Мессершмидт дает небольшие, но весьма емкие и точные описания тех русских населенных пунктов, которые он проезжал и где делал остановки. Здесь и характеристики уездных центров – Красноярска и Енисейска, и описание острогов – Саянского, Абаканского, Ачинского, Маковского, а так же Туруханска, Лосиногорского монастыря на реке Кеть, русских поселений и зимовий на Енисее, Ангаре и Нижней Тунгуске.

Какими же предстали немецкому ученому приенисейские города и веси.

Начнем с Енисейска, в котором Мессершмидт побывал дважды – в мае 1723 и июле – августе 1725 года. Во-первых, отметим, что Мессершмидт первый, кто точно установил географическую широту Енисейска – $58^{\circ}33'$. Но сам город, конечно же, его не воодушевил. Построен Енисейск на левом берегу Енисея, в очень низком, болотистом и нездоровом месте [4. С.161]. Всего в городе 595 дворов, красивая каменная церковь, но чрезвычайно грязные и топкие улицы [2. С.53]. Городской базар находится на берегу Енисея, но выбор, как, впрочем, и везде на севере Сибири, очень скуден. В центре города находится Енисейская провинциальная канцелярия. Обер-комендантом в 1723 году был Иван Михайлович Вердеревский, а в 1725 году Иван Тишной, которого Мессершмидт всегда называет воеводой, а канцелярию – “конторой“. Контора эта представляет из

себя небольшой пятистенный бревенчатый дом с пристройками, в котором довольно таки чисто. Возле канцелярии, находится и дом коменданта просторный, с теплой и чистой прихожей [1. С.201]. Простые же дома горожан, по крайней мере те, в которых довелось бывать Мессершмидту, очень грязны, за исключением дома архимандрита Даниила Матвеева, которому доктор оказывал медицинские услуги, так как архимандрит страдал глазной болезнью. Впрочем, баня была вполне сносной и Мессершмидт повествует, с каким удовольствием смыл с себя дорожную грязь [4. С.169-175].

Не менее грязной и топкой выглядит в описаниях Мессершмидта и Мангазея, так он называл Туруханск.

Город расположен на небольшой возвышенности на левом берегу Енисея. Местность кругом – сплошные лужи и болота, поросшие тальником, глубина которых не превышала полметра, так как замерзшая ниже земля была тверда как железо и сплошь покрыта льдом [2. С.69]. Напомним, что в Туруханске ученый побывал в июне 1723 года. В городе имеется большая церковь и деревянный острог. Жители города – люди зажиточные и занимаются промыслами и торговлей. Но очень дорогие съестные запасы. Например, пуд муки, стоивший в Тобольске 4-5 копеек, здесь стоил 20-30 копеек, то есть в 5 раз больше. Кроме того, Мессершмидт отметил полное отсутствие земледелия и скотоводства в округе Туруханска, по этому на рынке не было никакой молочной продукции. Чуть выше по течению реки Енисей, с правой стороны в него впадает река Нижняя Тунгуска, столь же широкая, как Енисей в районе города Енисейска. По Нижней Тунгуске Мессершмидт поднимался вверх по течению на дощанике. Шли бечевой, очень медленно. Поселений, как таковых, практически не было. Изредка попадались зимовья, построенные промышленниками – звероловами. Зимовья, в большинстве своем – небольшие бревенчатые избы, с отверстием в потолке для выхода дыма. Маленькое оконце находится в метре от пола. Внутри избы

кроме лавок ничего нет. Возле избы, обычно, стояли 3-4 бревенчатых ящика для собак. На самой границе с Иркутским уездом, у порога Еремы Мессершмидт впервые на Нижней Тунгуске встретил пашню, возле русского поселения Тархова пашня. Глава семейства, Яков Тархов, показал ученому поле с убранной рожью, которая стояла в снопах. Урожай был хороший. Немного дальше, поле с репой, которую Мессершмидт со спутниками пекли в золе [2. С.125].

А вот как выглядел Ачинский острог, который Д.Г. Мессершмидт посетил в июне 1722 года. Острог стоит на очень высоком гористом берегу, на правой стороне Чулыма. Окружен прекрасным сосновым, березовым и пихтовым лесом. Но сам острог имеет весьма убогий вид. В плане, он представляет собой четырехугольник, обнесенный бревенчатым забором, который, собственно, и является укреплением. Внутри укрепления находится три дома. В одном живет священник – миссионер, который должен обращать в Христианство живущих в округе чулымских татар, а два другие дома, являются жилищами для казаков [1. С.243].

На высоком же берегу находился и Маковский острог, где Мессершмидт побывал в августе 1725 года. Он отметил, что берега здесь песчаные, высокие. На правом берегу р.Кеть и располагается Маковский острог. На берегу деревянные строения, где ремонтируют струги, лодки, дощаники. Географическая широта Маковского острога $58^{\circ}13'$.

Что касается Абаканского острога – то он находится возле горы Туран, на правом берегу Енисея (в последствии селе Краснотуруанское, оказавшееся ныне на дне Красноярского водохранилища). Географическая широта Абаканска (так называли тогда острог) $54^{\circ}7'$, долготу высчитывали по таблицам Лохмана, и она для нас не имеет сейчас значения. Так как в Абаканске умер член экспедиции Капелль, его похоронили на кладбище, которое

находилось недалеко от острога, возле часовни, и являлось общим для людей разного вероисповедания.

Из поселений находящихся по берегам Енисея между Абаканском и Красноярском Мессершмидт отметил Караульный острог, где находилась очень красивая деревянная церковь и д.Овсянку возле самого Красноярска. Географическая широта Овсянки 56° . В Овсянке Мессершмидт бывал дважды – в феврале и октябре 1722 года, и каждый раз останавливался на ночлег. Он отметил, что Овсянка представляет из себя одну вытянутую вдоль Енисея улицу, дома рубленные, из кругляка, с большими подворьями. Деревню пополам пересекает небольшая речка, впадающая в Енисей. Прямо напротив Овсянки, живописные скалы и пещеры [1. С.331-333].

Что касается описания поселений коренных народов, то они еще более лаконичны и фрагментарны. Тем не менее, приводим их в нашей работе, считая, что в совокупности с другими данными, они помогают воссоздать целостную картину поселений исконных жителей Приенисейского края в первой половине XVIII века.

Из северных народов населяющих наш край Мессершмидт описывает остяков и тунгусов, которых встречал на Енисее и Нижней Тунгуске летом 1723 года.

Остяки жили на берегах Енисея между устьем Сухой и Нижней Тунгуски. Зимние юрты остяков напоминают русские избы. Построены в виде четырехугольника из целых бревен, положенных горизонтально одно на другое. Внутри стены были завешены циновками, а скамьи покрыты накидками. В избах достаточно чисто. Были и подушки. Мессершмидт даже купил одну, выдубленную из налимьей кожи [2. С.68-70].

Более примитивны жилища тунгусов (современные эвенки), обитавших на берегах Нижней Тунгуски. Юрты тунгусов покрыты сшитыми из бересты полосами, а внутри были пусты и убоги [2. С.89].

В южных районах края Мессершмидт впервые побывал летом 1721 года. В конце августа, в долине реки Уйбат, возле впадения в нее реки Бирь Мессершмидту оказали радушный прием татары-качинцы (современные хакасы). Всего было шесть жилищ полусферической формы, покрытые гибкими полотнами вываренной бересты потому бока их светились на солнце ослепительной белизной. возле жилищ сидели рослые, лохматые псы волкодавы. Юрты внутри были просторными. Посреди юрты, в небольшой яме, обложенной каменными плитками, был разведен огонь, в который подбрасывали хворост сложенный возле входа в юрту. Вверху над огнем, было отверстие, куда выходил дым. Пол был застелен шкурами косуль. Возле огня стоял круглый столик на очень низких ножках. Кушали за этим столиком, сидя прямо на полу, на шкурах [25. С.36-37]. Такие же жилища сделанные из березы, и покрытые березовой корой, видел и Страленберг в декабре 1721 года на границе Кузнецкого и Красноярского уездов, возле слияния рек Береш и Урюпа, а так же близ Божьего озера. Из-за того, что они имеют отверстия в потолке для выхода дыма, держат мало тепла и очень холодные [1. С.158-159].

III. 3. Жизнь русского населения.

Прожив в общей сложности на территории Приенисейского края три с половиной года, Мессершмидт достаточно хорошо изучил быт и нравы людей, окружавших его. Мнение ученого о наших земляках в целом весьма негативно, но это объясняется не столько объективными, сколько субъективными причинами. Надо учесть состояние образованного, европейски воспитанного человека, оказавшегося практически без всякой подготовки на окраине цивилизации, в местах, лишь недавно присоединенных к европейскому государству. Положение усугублялось тем, что

Мессершмидт действовал в одиночку, без верных помощников и добрых советчиков. Кроме того, не было и четкой поддержки из столицы, а Указы Медицинской канцелярии и Академии Наук часто ставили Мессершмидта в глазах провинциального начальства, в весьма двусмысленное положение. Не способствовало взаимной симпатии немецкого ученого и местных жителей и незнание русского языка. Мессершмидт, блестящий лингвист, знаток многих восточных редких языков, с упорством достойным другого применения, не желал учить русский язык. В дальнейшем это сыграло свою роковую роль и в жизни самого Мессершмидта и в судьбе его научного наследия. Поэтому со страниц дневника ученого перед нами раскрываются весьма неприглядные картины прошлого. Это волокита, произвол и бесчинства воевод, приказчиков, комендантов; отлынивание от возложенных обязанностей служивых людей и местных крестьян; мздоимство и казнокрадство чиновников, и стремление обманом получить выгоду простых людей; грубые нравы и невоспитанность, слабое религиозное чувство, и просто ужасающее пьянство всех социальных слоев общества. Именно эти записи, позволили Мирзоеву назвать Мессершмидта ненавистником славян вообще и особенно русских, в частности [26. С.21]. И, тем не менее, справедливости ради, мы должны заметить, что Мессершмидт иногда дает весьма положительные характеристики и отдельным людям и в целом всем жителям. Так он с восхищением говорит о поразительной выносливости русских, готовых длительное время терпеть голод, жажду, физические нагрузки. Удивила его способность к работе и при очень низких температурах. С чувством растроганности и искреннего признания пишет он и о том, как выручали его простые люди в затруднительное в финансовом отношении время, делясь с ним, безвозмездно, своей пищей.

Для нас, историков, и те и другие характеристики русского населения являются важным историческим источником, помогающим

лучше понять облик и нравы наших предков, живших на берегах Енисея 290 лет назад.

Наиболее колоритные описания были сделаны в Красноярске, где ученый провел две зимовки. В первый раз он приехал в Красноярск в феврале 1722 года и жил здесь до мая, а затем, вернувшись из поездки по югу края в октябре 1722 года, прожил здесь до мая 1723 года. Какими же предстали красноярцы немецкому ученому.

Первое, что поразило Мессершмидта в Красноярске – это слабо развитое религиозное чувство, отсутствие должной набожности и всеобщее пьянство в дни религиозных праздников. Даже церкви превращались в такие дни в место для выпивки, а потом и для сведения с кем-то личных счетов. Весьма характерна запись от 30 марта 1722 года где: “...Я участвовал в учтивом деле, предпринимаемом у русских. А именно: когда выпадает день известного божества (святого) Николая или Михаила и церковь такого святого святит, то от его имени, как решает глава церкви или староста, варят пиво. Рано утром останавливают они в церкви свое обычное богослужение и звонят после этого в этой церкви во все колокола. Собираются те, кто приписан к этой церкви, и икону Николая или Михаила берут со своего обычного места, ставят на стул посередине церкви. Перед ним ставят несколько горящих свечей и маленькое блюдо, а недалеко от него 1-2 или больше бочек пива. Кто только имеет желание и усмотрение пить за Николая или Михаила или пробовать, тот кладет на маленькое блюдо, по возможности, 1,2 алтына, кто беден – только копейку, ибо это не такса для этого святого. Тогда может каждый пить в церкви по желанию и не выходить раньше, чем кончится пиво. При этом святые гости не обходятся без ссор и драк, а многие не идут домой, потому что их нужно тащить...” [1. С.204]. Кстати, пиво было достаточно распространенным напитком у красноярцев. Пиво обычно варили из хмеля, который в изобилии рос на енисейских островах близ деревни

Овсянки, для жителей которой – сбор хмеля являлся немаловажным промыслом.

Весьма колоритно описано и празднество Рождества Христова, запись от 6 января 1723 года где: “...(Русское освящение воды). Это у русских большое торжество, и называют этот праздник Трицарский день. Рано утром они молятся в церкви до 9 часов. Из церкви выходит вся процессия во главе с дьяконом.... Которые несут распятие, иконы, так же и пару фолиантов, обитых серебром (может, это Библия, я сам не видел, не имел возможности удостовериться). Насколько меня информировали русские, это очень опасная книга и каждый, который задумает читать ее, сходит с ума, поэтому люди остерегаются ее. Один из священников держит скрещенные руки над головой. Затем священники и певчие поют свой хорал, и все, в том числе и воевода, идут к реке, сначала идут, конечно, все мужчины и парни, затем группами идут женщины и девушки. По прибытии они окружают вырубленное отверстие во льду, поют несколько хоралов, несколько раз крестятся, опускают в воду распятие и обрызгивают окружающих.

Бедные люди (чернь) только и ждут удаления процессии, чтобы искупаться в воде или помыть своих детей, так как они убеждены, что вода теперь целебна и помогает от всех болезней. В гости ходят все от богатых до бедных, которые молились и которые не молились, не признавая всю эту церемонию. До глубокой ночи пьянствуют, поют, кричат, так что человеку, который никогда не слышал этого, становится не по себе...” [2. С.4-5]. Увы, без дикого пьянства, по описанию Мессершмидта, в Красноярске не обходился ни один праздник. Что касается истории о фолианте – Библии, то вполне вероятно, имела место быть мистификация Мессершмидта со стороны красноярцев, не желавших, чтобы “иноземец” другого вероисповедания прикасался к церковным книгам.

А вот продолжение этого рождественского рассказа весьма примечательно тем, что это первое для всей Сибири документальное свидетельство о частных концертах в домах состоятельной части сибирского общества. То, что Мессершмидт весьма отрицательно отзывался об этом событии, имеет ряд причин объективного и субъективного характера – упадническое настроение и пессимизм (характерный для ученого после отъезда Страленберга), общее недовольство хозяином вечера – комендантом Шетневым, который не выполнял многие просьбы Мессершмидта и не проявлял должного внимания и уважения к занятиям ученого.

“...На второй день Рождества я был в гостях у воеводы. Собралось больше 60 мужчин в отдельной комнате (женщины собирались у его жены в другой комнате). У воеводы была музыка (камерная) – 8 или 9 музыкантов, которые играли на свирелях (дудках). Каждый из них брал аккорд, никакой речи не могло быть о слаженности. Присутствовало 3 или 4 вокалиста из крестьян. Могу с уверенностью сказать, что от этой музыки у меня трещало в голове, однако, я время от времени говорил “хорошо”, “ладно”, “дивно”. Среди других развлечений звучали стихи и божественные песни о рождении бога, которые пели в паузах между выпивками...” [2. С.5].

С горечью пишет Мессершмидт о том, что русские и инородцев – ясачных склоняют к пьянству и на законном основании укореняют в них эту привычку. Запись от 8 января 1723 года: “...Сегодня собирали дань у татар. Дань состоит в том, что каждый татарин должен сдавать за себя, за свою жену и детей один, два или больше соболей или эквивалентно другие меха: лисы, волки, рысь. Сколько он сдаст соболей, столько он получит буханок хлеба (пшеничный или ржаной) и столько же кружек водки. Самая толпа собирается вечером, когда им дают столько пива, сколько может выпить каждый. На посту стоят казаки, чтобы предостеречь драку, к которой очень

склонны татары. Весь вечер я слышал это ликование и гвалт, хотя и расстояние от острога было свыше 300 шагов...” [2. С.5-6].

Не меньше выпивается и на масленицу. Запись от 18 февраля: “...На этой неделе масленица, или масляная неделя, последняя неделя перед великим постом. В этой неделе нет ничего, кроме пьянки и объедания. Они ходят в гости из одного дома в другой, их угощают обычно только пивом, квасом и самогоном. Все это длится до субботы, затем они прощаются в ожидании пасмурного поста...” [2. С.19-20].

А вот любимым удовольствием красноярцев в погожие зимние дни было катание с ледяных горок. Запись от 25 февраля 1723 года: “...Воевода с другими русскими катался до полночи и очень устал. Это катание является лучшим удовольствием масленицы. Катаются по четыре – пять человек на коровьей шкуре (вниз гладкой стороной). Катаются с высокого берега, предварительно облитого водой, дольше по реке. Повторяется это столько раз, пока не надоест. Слуги становятся на шкуру, держатся за сидящих, т.е. катаются стоя. Случается, что сталкивают кое-кого, которых потом с разбитой головой привозят, а на месте катания в течение нескольких дней можно увидеть следы крови...” [2. С.20-21].

С не меньшим размахом и удалью отмечали красноярцы и гражданские праздники. Любопытным представляется описание именин воеводы Дмитрия Кузьмича Шетнева, длившиеся три дня. Запись 12 февраля 1723 года: “...Сегодня у воеводы продолжение праздника – похмельный день. День похмелья очень выгодный для него. Все гости несут подарки. Самые бедные дарят коменданту 10коп., его жене 5коп. и в придачу один или два мешка зерна, слугам по 1коп., служанкам тоже 1коп. случается, что у бедняков нет денег для слуг, тогда они обещают им в следующий раз двойную плату. Каждая женщина дарит жене воеводы по 5коп., хорошо выделанный лен, яйца, масло и др. Богачи дарят не менее ½ руб., но тот, кто

хочет показать свою щедрость, дарит рубль. Приказчики из других мест дарят при входе пару соболей и еще пару, когда прощаются. Таким образом, гостей собирают не ради угощения, а ради подарков, потому что хозяин в этот день получает 100 руб. и более. А чтобы ничего не прогулять, они имеют привычку справлять свои именины два раза в год – зимой и летом...” [2. С.16-17]. Здесь, наверное, Мессершмидт был введен в заблуждение – традицией отмечать день рождения и день ангела (собственно именины).

Но далее в записи следует описание случая, в высшей степени оригинального. Во время гулянки простой казак ударил воеводу, да так, что тот упал. Трудно представить подобную ситуацию в европейской России. В Красноярске же, судя по всему, это не вызвало особого удивления, и за сходную цену казак примирился с человеком, в чьем подчинении находился и он сам, и весь город, и весь прилегающий к нему уезд. Запись 12 февраля 1723 года: “...эти именины были для г. воеводы Дмитрия Кузьмича Шетнева не очень приятными, потому что 11 февраля вечером некий конный казак (служивый) Гаврила Соловьев в пьяном состоянии дал ему хорошую оплеуху, что он упал. По этому случаю был суд в городе. Служивый помирился с воеводой подарком в 15 рублей...” [2. С.17].

Но самое сильное потрясение Мессершмидт испытал после увиденной публичной пытки столяра, который, кстати, для Мессершмидта изготовил квадрант, то есть был весьма умелым мастером. Этого столяра обвинили в воровстве имущества на сумму 200 рублей. Связав ноги и руки за спиной, бедного столяра вздернули на дыбе прямо посреди базарной площади и били кнутом до тех пор, пока спина не стала одной большой раной. Затем раскаленными на огне щипцами, жгли его тело и, наконец, подвесив на шесте разложили под ним огонь – и коптили и поджаривали до тех пор, пока он не признал себя виновным, и не назвал места, где укрыл похищенное. Петер Кратц, слуга Мессершмидта, владеющий русским

языком, услышал в толпе, что пыткам подверглись так же жена, сын и невестка этого столяра, которые утверждали, что ничего не знают о похищенном. Кроме того, Петер Кратц, сообщил господину доктору, что пыткам этот столяр подвергался уже в четвертый или пятый раз, но никакого пропавшего имущества в местах им указанных, найдено не было [2. С.40].

Но не только грубость и жестокость отмечает Мессершмидт в жизни красноярцев. Ему весьма импонировало, что и старый комендант Дмитрий Борисович Зубов, отстраненный от должности в марте 1722 года, и новый Дмитрий Кузьмич Шетнев, были с ним, по мере возможности, учтивы, ежедневно присылая к его столу различные местные кушанья, а так же часто приглашая его к себе на обед, с целью скрасить его одиночество, общением с местным “высшим светом”. Особенно понравилась своей учтивостью и благовоспитанностью жена старого коменданта Зубова, имя ее, Мессершмидт, к сожалению, не называет [1. С.188].

Что касается религиозных обрядов, отметим, еще церемонию передачи церковного имущества новому архиерею, после смерти прежнего, свидетелем чему был Мессершмидт 14 февраля 1723 года. Во время этой церемонии два священника брали тело умершего архиерея, одетого в простую одежду под руки и водили по храму от одного предмета к другому. Новый архиерей следовал за ними, брал эти предметы по очереди в руки, отвешивая при этом земной поклон умершему и целуя его руку. Кстати, о такой же церемонии, рассказывали Мессершмидту в Тобольске пленные шведы, виденной ими в 1718 или 1719 году [2. С.18].

Нельзя не упомянуть его сведения и о самой распространенной болезни российских чиновников, о казнокрадстве и взяточничестве. По рассказам приставленного к Мессершмидту служивого человека Ивана Степановича Кубякова, бывшего когда-то приказчиком в Частоостровском и Заледеевой, старый воевода И.Д. Зубов только от

одной передачи должностей приказчиков, находившихся в его ведении, получил 950 рублей, да с 20 купцов, отпускаемых в Сойотию, 200 рублей, да брал взятки мехами с татар, при уплате ими ясака. Портной Мессершмидта, Иван Харламов, рассказал о том, что сшил Зубову и его родным более 400 различных шуб и пальто из соболей, рысей, тигров, ирбисов, лис, волков и белок. Причем соболя были самые отборные из тех, что сдавались в виде ясака местными татарами. Общая стоимость этих шуб набегала до 8000 рублей. Да еще на 1000 рублей набрал Зубов могильного золота. Как видно из описаний других представителей администрации, они старались не отставать от своего коменданта [2. С.43-44]. Впрочем, заметим, что все эти рассказы относятся к воеводе уже снятому с должности и отправленному в Петербург, о нынешнем начальстве информаторы Мессершмидта предпочитали умалчивать.

Что касается дома, где жил Д.Г. Мессершмидт в бытность свою в Красноярске, то на основании тех страниц дневника, которые мы перевели, однозначно дать ответ сложно. Известно лишь, что в первый свой приезд, в феврале 1722 года, Мессершмидт поселился в доме Ильи Нашивошникова-Сурикова, и был весьма доволен приемом и условиями жизни. Это видно из того, что он там прожил до своего отъезда из Красноярска в мае 1722 года, не меняя квартиры, что было характерно для него в других городах. В свой второй приезд в Красноярск, 6 октября 1722 года, Мессершмидт по привычке заехал к Илье Нашивошникову-Сурикову, но тот на следующий день попросил освободить его от этой повинности. Комендант Д.К. Шетнев поддержал Сурикова и подыскал для Мессершмидта новую квартиру. Где находился дом Сурикова неизвестно. Кроме того, в первой части первого тома дневника, которую вел Страленберг, хозяин квартиры назван Иваном Суриковым [1. С.205]. Сам Мессершмидт в октябрьских записях 1722 года своего бывшего хозяина называет Ильей, да к тому же всегда (в трех случаях из трех упоминаний)

пишет его фамилию в двойном варианте: Нашивошников-Суриков. Впрочем, в записях за 1723 год, Мессершмидт часто упоминает об Иване Ильиче Нашивошникове-Сурикове, иногда называя его писарем. Наверно это и есть сын бывшего хозяина квартиры, где жил Мессершмидт зимой и весной 1722 года и в предыдущих записях буква “и”, вместо “о”, после “нашив” является опиской [2. С.23; 2. С.32]. Уже 7 октября 1722 года, Мессершмидт переехал на новую квартиру, хозяином которой был Илья Молодчиков. И дом этот находился недалеко от рынка и в 300 шагах от острога [1. С.335; 2. С.5].

В целом же о красноярцах, на основании данных Мессершмидта, очень хорошо написал Г.Ф. Быконя: “...Главную роль среди них играет казачество. Они прижимисты в будни и размашисты в праздники, особенно в гульбе. Даже церковь превратилась в место, где можно выпить и даже на кулаках свести с кем-то счеты. Религиозное чувство развито слабо. Многие обладают обширными географическими познаниями даже об отдаленных районах Сибири, некоторые неплохо осведомлены о событиях в стране и сопредельных державах. Красноярцы проявляют большой интерес к лекарственным травам, отыскивают и пускают в дело полезные минералы – железную руду, вап, слюду, каменный уголь. С практицизмом и житейской сметкой причудливо уживаются у них самые темные суеверия: вырви открыто траву “волчий корень” – гром грянет, искупайся в рождественской проруби – будешь здоров и богат и т.д...

...Гостеприимство и широкое хлебосольство не мешает горожанам лукавить с другими, особенно с приезжими, морочить голову “чуждому иноземцу”...

...Они горды, обладают развитым чувством собственного достоинства, непокорливы, не сдержаны в гневе, особенно в

нетрезвом состоянии. Тогда они могут “лаять” воеводу и даже поднять на него руку...” [14. С.151].

Что еще отмечает Мессершмидт о русских жителях нашего края. Прежде всего, искусных мастеров и умельцев. Так в деревне Дойниково, между Езагашем и Бирюсой, на правом берегу Енисея (ныне на дне Красноярского водохранилища), делают отличную глиняную посуду, которая пользуется спросом и в Абаканске и Красноярске. Сам Мессершмидт, так же приобрел несколько горшков для своих нужд [1. С.185], а в деревне Овсянка, под Красноярском, хорошие мастера по изготовлению лодок. Сделанный ими баркас, по чертежам Мессершмидта, был настолько хорош, что воевода Д.И. Шетнев забрал его для себя, взамен дав три лодки [2. С.42]. Русские так же могли быть очень ловкими и бесстрашными охотниками. Так жители северного села Вороговки (ныне п.Ворогово), в изрядном количестве добывали не только лисиц, но и бобров и выдр. А многие жители села безбоязненно промышляли медведя, выходя с ним один на один [2. С.60]. Отметим он и редкостное трудолюбие земледельцев на Нижней Тунгуске, возле порога Еремы. Яков Тархов с двумя сыновьями возделали в этих краине не приспособленных условиях для земледелия пашню, и собрали хороший урожай ржи. Так же они выращивали огородные культуры, в частности свеклу и репу [2. С.125]. О хлебосольстве русских людей ярко говорит тот факт, что когда Мессершмидт был в очень затруднительном материальном положении, будучи проездом в Абаканске, по дороге в Красноярск, в сентябре 1722 года, простая русская женщина, бывшая его прачка, безвозмездно снабжала его продуктами – яйцами, молоком и калачами, а Абаканский приказчик, несмотря на стычки с Мессершмидтом по служебным делам, в дорогу подарил ему 50 кренделей, испеченных его женой [1. С.321].

Впрочем, столкнулся Мессершмидт и с тем, что русские крестьяне, при первой возможности стараются уклониться от

возложенных на них обязанностей. Так по дороге в Красноярск осенью 1722 года возле Батенева, от Мессершмидта сбежали гребцы, а те деревни, куда он отправлял денщиков, моментально пустели и оставались там только женщины да малые дети. Впрочем, с этим ему пришлось сталкиваться на всем протяжении своей экспедиции [1. С.324-326; 4. С.118].

И немного о болезнях наших земляков, которым они были подвержены. Надо отметить, что к Мессершмидту в основном обращались только влиятельные в обществе люди – комендант, его жена, приказчик, архимандрит. Самым распространенным недугом был похмельный синдром, расстройство желудка после обильных обедов и лихорадка в осенне-весенний период [2. С.33-34]. В Енисейске Мессершмидт лечил местного архимандрита от глазной болезни [4. С.171], а членов экспедиции Витуса Беринга от венерических болезней, которыми они успели обзавестись пережидая долгую зиму в Енисейске [4. С.174]. Простые же люди, по свидетельству Мессершмидта, довольно таки успешно лечились от всех болезней с помощью различных трав.

III. 4. Коренные жители северных и южных районов края.

С явной симпатией относится Мессершмидт к коренным народам, населявшим наш край.

Рассмотрим вначале жителей северных районов.

Этническая принадлежность.

Возле устья Сухой Тунгуски Мессершмидт встретил поселения остяков (совр. кеты). По их языку он верно определил их этническую принадлежность к финской языковой семье. Причем он точно разобрался, что они не являются родственным народом обским

остякам (селькупам). Сами енисейские остяки называли себя денг-остяками [2. С.64-67].

На Нижней Тунгуске Мессершмидт познакомился с тунгусами (совр. эвенки). По языку он сразу отделил их от народов западной и южной Сибири, а так же от бурят и монголов, и выделил две группы: северных тунгусов, самоназвание “орротонг”, т.е. оленные с шипящим диалектом и “хундысал” букв. “хозяева собак”, разговаривающие на свистящем диалекте [2. С.95; С.126].

Хозяйственная деятельность, культура и быт.

Основным занятием и енисейских остяков и тунгусов являлся рыбный и охотничий промысел. Но у остяков главенствующим все же был рыбный промысел. Кроме того, остяки славились своими изделиями из рыбьих и оленьих кож. Мессершмидт описывает купленные им у остяков вещи: подушку из белой выдубленной налишьей кожи, с изящным красочным орнаментом, сапоги из вывернутой оленьей кожи, обрамленные светлым соболем и украшенные орнаментом, шубу из вывернутой оленьей кожи с отделкой из белой и красной замши, мешочек для огнива, корзину из бересты и т.д. [2. С.66-67; 4. С.281].

Тунгусы, как северные, так и южные, по большей части охотники, хотя занимались и рыбной ловлей. Из домашних животных, кроме оленей и собак никого не держали. У южных преобладали собаки, у северных олени. Что бы олени не разбегались, вместо пут тунгусы подвязывали к шее оленя чаты (“башмак”). Интересен, описанный Мессершмидтом способ привлечения охотниками лосей и оленей: они выжигали леса, чтобы на выжженных местах ускорить рост трав и молодых порослей, любимых этими животными.

Обращает на себя внимание отсутствие половых и возрастных различий, как в costume, так и во внешнем облике тунгусов-оротонг. Волосы у всех были обвязаны ремешком в верхней части затылка.

Летний костюм – не сходящийся на груди распашной кафтан, короткий спереди и оканчивающийся сзади мысом; подвешенный к шее в виде узкой полосы нагрудник; опушка по краям из белого и окрашенного в красное меха косули, между которыми в женских кафтанах были пришиты разные изображения и колокольчики (только этим их кафтаны и отличались от мужских); замшевые натазники с бахромой до половины бедра, пришитой спереди; ноговицы, ремешками привязанные к натазникам, и обувь летняя и зимняя [2. С.88]. Кроме того мужчины наносили татуировку, Мессершмидт сделал рисунки этой татуировки для лица (приложение 3).

У этих же тунгусов он купил металлические изображения человека, которые подвешивали к нагрудной части одежды. Интересно, что аналогичные изображения, но только из кости, были найдены на грудной клетке человека в энеолитическом могильнике на Ангаре у устья р.Уды [17. С.118].

Тунгусы – хундысал, живущие в верховьях Нижней Тунгуски, не имели татуировки на лице, поверх натазников с бахромой в виде передничка, носили меховой нагрудник, шею обвязывали платком, который, как и оротонг, называли вачи, а на кафтанах у них были нашиты карманы [2. С.139].

Но особенно понравились Мессершмидту челноки тунгусов, изготавливаемые из коры березы. Эти челноки, вмещавшие 2-3 человека, были так легки, что их можно было без всякого труда переносить на спине с одного места на другое, и кроме того, на них можно было легко преодолевать такие пороги и перекаты, через которые никак нельзя было пройти на обычных лодках [2. С.89].

Перейдем к коренным жителям населявших юг края.

Этнографические данные, записанные Страленбергом в дневнике за 1721 и 1722 годы, и опубликованные им в своей книге в 1730 году [41], уже в XVIII веке подверглись вполне справедливой критике Г.Ф. Миллером. Неоднозначную оценку имеют они и у

современных историков, например у Л.Р. Кызласова [25]. Поэтому мы рассматриваем два основных аспекта деятельности экспедиции Мессершмидта на юге края – открытие им древней письменности народа населявшего Хакассо-Минусинскую котловину и археологические раскопки древних захоронений, положившие начало всей сибирской археологии.

В августе 1721 года, спускаясь вниз по долине Уйбата, караван экспедиции прибыл к юртам качинских татар (совр. хакасы). Прием был радушным. Посреди просторной полукруглой юрты, покрытой гибкими полотнами вываренной бересты, в небольшой яме, обложенной каменными плитками, горел огонь. Дым уходил через круглое отверстие в потолке. Хозяева и путешественники сидели на расстеленных на земле шкурах косуль, вокруг круглого стола на маленьких ножках. После отдыха Мессершмидт, вместе со своими спутниками и в сопровождении двух мужчин, верхом на лошадях, поехали осматривать древние памятники, о которых рассказывали татарские старики. Перейдя вброд мелкую, но бурливую речку Уйбат на ее северный берег, путешественники увидели на небольшом холме высокий песчаниковый обелиск, изогнутый “в виде венгерской сабли”. На узкой грани столба рельефно выделялась антропоморфная личина. Но Мессершмидта поразило то, что снизу вверх шли ровные строчки загадочных знаков. Они были вырезаны острым инструментом. Надпись состояла из 13 строк на четырех плоскостях гладкого обелиска и обрывалась, так как верхушка каменного столба была сбита еще в древности (приложение 4). Художник Карл Шульман зарисовал камень, а Мессершмидт в своей описи записал о стеле: “Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами”. Так Д.Г. Мессершмидт открыл для науки первый памятник енисейской письменности, назвав ее рунической, как выяснилось впоследствии ошибочно, хотя он и правильно полагал, что “не все эти знаки руны, а что к ним примешан, может быть, другой род

древних парфянских букв” [25. С.38-39]. Спустя четыре месяца, 22 января 1722 года в долине реки Тесь, экспедиция обнаружила и зарисовала “изсеченное из камня изображение старика”. Эта фигура стояла на большом кургане, на левом берегу Теси и изображала усатого старика, на спине которого находилось несколько букв, по большей части стертых. Лицом статуя была повернута на восток. В руках статуи находилась урна [2. С.174-175].

По счастью, оба открытых экспедицией Д.Г. Мессершмидта каменных изваяния с енисейскими надписями сохранились до нашего времени. Они были перевезены в XIX конце века во вновь открывшийся Минусинский краеведческий музей, где хранятся и поныне. А расшифрована енисейская письменность была только в конце века датским профессором Вильгельмом Томсеном. Переводы енисейских текстов на русский язык были опубликованы В.В. Радловым в 1895 году [25. С.44].

В январе 1722 года Мессершмидт стал первопроходцем еще одной научной дисциплины. Чтобы составить собственное представление об устройстве древних погребальных сооружений и использовать эти данные для истории Сибири, Мессершмидт сам раскопал несколько курганов. С 4 по 6 января 1722 года, в трех-четырёх верстах от Абаканского острога вверх по Енисею, и в двух верстах к западу от Енисея был раскопан первый курган. Первые раскопки велись с географической фиксацией погребального сооружения, а Карл Шультман набросал эскиз могилы [1. С.169-170].

Это и были первые раскопки с научной целью, которые послужили началом развития сибирской археологии и вообще археологии России.

IV. Заключение.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

Русские населенные пункты, построены, чаще всего, у реки на возвышенности. В каждом имеется церковь, деревянный острог, канцелярия. Канцелярия, дом коменданта, представляют собой, просторные бревенчатые дома с пристройками, чистые и теплые. Простые же дома горожан очень грязны. Со страниц дневника ученого перед нами раскрываются весьма неприглядные картины прошлого. Грубые нравы и невоспитанность, слабое религиозное чувство, и просто ужасающее пьянство всех социальных слоев общества. С горечью, пишет Мессершмидт о том, что русские и инородцев-ясачных склоняют к пьянству, и на законном основании укореняют, в них эту привычку. Но вместе с тем же и поразительная выносливость, радушие, готовность простых людей безвозмездно оказать помощь.

Описания поселений коренных народов, более лаконичны и фрагментарны. Жилища, пусты и убоги, покрытые гибкими полотнами вываренной бересты. Посреди юрты, небольшая яма, обложенная каменными плитками, для разведения огня. Вверху, над огнем, было отверстие, куда выходил дым. Из-за этого, юрты держат мало тепла и очень холодные. Основным занятием являлся рыбный и охотничий промысел. Самым распространенным видом ремесла была обработка мехов и шкур животных. Шили одежду, обувь, головные уборы, делали ковры, одеяла, части седел и т.д.

На основе наблюдений Мессершмидта, мы можем представить облик городов и поселений. Жизнь наших земляков того времени, занятия, развлечения и взаимоотношения. Что, несомненно, является ценным материалом для историков, интересным и поучительным для простых обывателей.

V. Список использованной литературы и источников.

Список сокращений

ПФА РАН	Петербургский филиал архива Российской академии наук
ф.	Фонд
оп.	Опись
д.	Дело
АН	Академия наук

Источники

1. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil I. Berlin, 1962.
2. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil II. Berlin, 1964.
3. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil III. Berlin, 1966.
4. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil IV. Berlin, 1968.
5. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil V. Berlin, 1977.
6. ПФА РАН, ф. 98, оп. 1, д. 21 (инструкции, ордера, удостоверения, полученные Мессершмидтом).
7. ПФА РАН, ф. 98, оп. 1, д. 32 (указы, инструкции, таблицы расходов во время Сибирской экспедиции).
8. ПФА РАН, ф. 98, оп. 1, д. 40 (краткая автобиография Мессершмидта).
9. Штеллер Г. Ф. Письма и документы. 1740. М., 1998.

Литература

10. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век. М.-Л., 1965.
11. Бакмейстер Иоганн. Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук. СПб., 1779.
12. Башкатова З. В. Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник для изучения сырьевой базы Сибирской промышленности первой трети XVIII в. // Источниковедение и историография городов Сибири. Новосибирск, 1987.

- 13.Бородин И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908.
- 14.Быконя Г. Ф. История Приенисейского края. XVII – первая половина XIX века. Красноярск, 1997.
- 15.Быконя Г. Ф. История Красноярска. //Документы и материалы. XVII – первая половина XIX века. Красноярск, 2000.
- 16.Быконя Г. Ф. Город у Красного Яра. //Документы и материалы по истории Красноярска первой пол. XVII-XVIII века. Красноярск 1981г. 184с. (278с.)
17. Быконя Г. Ф. Избранные труды. Том 1// Заселение русскими Приенисейского края, Красноярск 2008г.
- 18.Василевич Г.М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения. // Изв. Сибирск. отдел. АН СССР, серия обществ. наук, вып. 2, № 6, 1969.
- 19.Винтер Э. Ушман Г. Ярош Г. Д. Г. Мессершмидт как исследователь Сибири. // Вопросы истории естествознания и техники. Выпуск 2. М.,1969.
- 20.Владимиров Е. Экспедиция на Енисей. // Ленинская Искра, 1972, 1 апреля.
- 21.Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. //Труды архива АН., вып. 4. М – Л., 1940.
- 22.Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725 – 1765 гг. Изд-во АН СССР, М., 1960.
- 23.Зиннер Э. П. Путешествие длиною в три столетия. Иркутск, 1973.
- 24.Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- 25.Князев Г. А. Обзорение архивных материалов. //Труды архива АН., вып. 1. Ленинград, 1933.
- 26.Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии. //Историко – археологический сборник. Изд-во МГУ. М., 1962.
- 27.Кызласов Л. Р. В Сибирю неведомую за письменами таинственными. Абакан, 1998.
- 28.Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири, в. 5. СПб., 1909.
- 29.Мирзоев В. Г. Историография Сибири. Кемерово, 1963.
- 30.Мирзоев В. Г. Историография Сибири. М., 1970.
- 31.Мурзаева М. Исследователь Сибири // Искра Ильича, 1969, 7 октября.

32. Новлянская М. Г. Д. Г. Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. М.–Л., 1970.
33. Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1863.
34. Радлов В. В. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. СПб., 1883.
35. Федоров И. Г. Сведения Д. Г. Мессершмидта о быте и нраве красноярцев в первой четверти XVIII века. // Народы Приенисейской Сибири. История и Современность. Красноярск, 2001.
36. Федоров И. Г. Сказания земли Овсянской. Красноярск. 2001.
37. Хабаков А. В. Очерки по истории геолого – разведочных знаний в России. М., 1950.
38. Шорохов Л. П. Корпоративно – вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII – XVIII веках. Красноярск, 1983.

39. Amman J. Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones. Petropolis, 1739.
40. Jarosch G. Zur Textgestaltung. D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720 – 1727. Teil I. Berlin, 1962.
41. Pallas P. S. Nachricht von Dr. D. G. Messerschmidt's Siebenjahrigen Reise in Sibirien. Neue Nordische Beytrage. Bd. 3. Petersburg, 1782.
42. Richter W. M. Geschichte der Medicin in Russland. Moskwa, 1817.
43. Strahlenberg Ph. I. Das Nord – und Ostliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
44. Winter E. Die Wissenschaftliche Erforschungs Sibiriens in der Petrinischen zeit. Die Siebenjahrige Forschungsreise D.G. Messerschmidts durch Sibirien (1720 - 1727). Moskau, 1971.
45. Winter E. Einleitung D.G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720 – 1727. Teil I. Berlin, 1962.

VI. Приложения.

1. Указ Петра I, о посылке Мессершмидта в Сибирь.
2. Копия страниц дневника Мессершмидта.
3. Рисунок татуировки тунгусов.
4. Рисунок “Уйбатского памятника, вырезанного руническими письменами”.
5. Хронология.
6. Маршрут экспедиции Мессершмидта 1721-1722 гг.
7. Маршрут экспедиции Мессершмидта 1723-1724 гг.
8. Маршрут экспедиции Мессершмидта 1725 г.
9. Перевод дневника Мессершмидта.

Указ Петра I, о посылке Мессершмидта в Сибирь.

Копия страниц дневника Мессершмидта.

Рисунок татуировки тунгусов.

Рисунок “Уйбатского памятника, вырезанного руническими письменами”.

Хронология.

Маршрут экспедиции Мессершмидта 1721-1722 гг.

Маршрут экспедиции Мессершмидта 1723-1724 гг.

Маршрут экспедиции Мессершмидта 1725 г.

Перевод дневника Мессершмидта.